

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/19986645/80/14

Мотивная структура «Аскетической проповеди» святителя Игнатия Брянчанинова

Наталья Евгеньевна Титкова¹

¹ Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета
им. Н.И. Лобачевского, Арзамас, Россия, nataly.arzamas@yandex.ru

Аннотация. Анализируется творчество видного деятеля Русской Православной Церкви XIX в., святителя Игнатия Брянчанинова. На примере сборника поучений «Аскетическая проповедь» показаны некоторые особенности поэтики его проповедей – области, практически не освоенной современным литературоведением. Доказывается мысль о том, что сочинения Брянчанинова имеют мотивную структуру. Главной организующей темой и ведущим лейтмотивом «Аскетической проповеди», а также всего его творчества является покаяние.

Ключевые слова: проповедь, поучение, тема, мотив, мотивная структура, евангельский образ, библеизм

Для цитирования: Титкова Н.Е. Мотивная структура «Аскетической проповеди» святителя Игнатия Брянчанинова // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 80. С. 291–305. doi: 10.17223/19986645/80/14

Original article
doi: 10.17223/19986645/80/14

The motivic structure of *Ascetic Preaching* of Saint Ignatius Brianchaninov

Natalia E. Titkova¹

¹ Lobachevsky University (Arzamas Branch), Arzamas, Russian Federation,
nataly.arzamas@yandex.ru

Abstract. The article deals with the work of Ignatius (Brianchaninov), holy hierarch, an outstanding Church figure and spiritual writer of the 19th century. Based on the collection of teachings *Ascetic Preaching* (1866), the significant features of the poetics of his work – an area that is almost not mastered by modern literary criticism – are shown. The texts of the collection are analyzed in order to identify the features of its structure, the characteristics of the factors of its integrity, ideological depth, emotional impact on readers. The author hypothesizes that the convincing force of Brianchaninov's instructing words is caused not only by the mastery of the oratory techniques, but also by the ability to embody the Christian worldview holistically and systematically in the works "bonded" by an internal ideological and conceptual relationships. The method of structural analysis of texts is used to study the internal connections of the semantic elements of *Ascetic Preaching*. At the first stage of the analy-

sis, the dominant theme of the book is revealed. Further, the motifs related to the main theme are studied, their internal connection is traced, and the principle of correlating the main and accompanying motifs with the text of Holy Scripture is shown. Based on the conducted research, the author infers that Bryanchaninov's works have a motivic structure. The central organizing topic and leading theme of *Ascetic Preaching*, as well as the semantic dominant of all works by Ignatius, is repentance. This is due to the fact that the call to repentance is the basis of Christian teaching. The theme of repentance permeates all the constituent parts of the book, ensures its integrity and compositional balance, binds the disparate texts and determines the main vector of the theological arguments of its author. This theme is interwoven with related motifs, among which the main are the motifs of faith, prayer, the Last Judgment. They link each specific text with the rest of the works of the collection. Holy hierarch Ignatius correlates these motifs with images of Holy Scripture. A special group of teachings in the collection are texts that interpret the gospel parables. In particular, the motif of prayer is embodied by Brianchaninov in the images of the characters of the gospel parable about the publican and the Pharisee, the theme of repentance and the motif of God's judgment correspond to the parable of the prodigal son. The use of Evangelical images in the development of the main motifs gives visibility to the preacher's texts and defines a trait of his style – biblicism. These motifs are connected with each other, forming a holistic ideological and thematic unity that systematically reveals the Orthodox doctrine of salvation.

Keywords: preaching, teaching, theme, motif, motivic structure, Gospel image, Bibles

For citation: Titkova, N.E. (2022) The motivic structure of *Ascetic Preaching* of Saint Ignatius Brianchaninov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 80. pp. 291–305. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/80/14

Проповедническое наследие святителя Игнатия Брянчанинова (1807–1867), выдающегося деятеля Русской Православной Церкви XIX века, талантливое проповедника и духовного писателя, пока еще не попало в зону глубокого научного интереса современных исследователей. Попытки осмыслить этот идейно-эстетический феномен предпринимаются представителями разных ветвей гуманитарных наук. На духовно-нравственном аспекте его изучения сосредоточены педагоги и философы [1–3], на изучении формальных особенностей идиостиля – лингвисты, что проявляется в рамках исследования «на категориально-текстовых основаниях индивидуальных черт, отличающих творчество отдельных авторитетных в церковной среде проповедников, являющихся носителями элитарной речевой культуры» [4. С. 65], концептосферы [5], в аспекте преемственности русского риторического канона [6], в контексте реализации исповедальной интенции [7]. Серьезный вклад в это изучение может внести и литературоведение, которое может сосредоточить внимание не только на содержании, но и на форме проповедей, используя для анализа текстов концепты «образ», «тема», «мотив» и т.п. Однако в немногих литературоведческих исследованиях творчества Брянчанинова акцент делается на отношении проповедника к проблеме соотношения церковного сознания и художественного творчества [8–10]. Исследователи цитируют практически одни и те же

статьи и письма святителя Игнатия, анализируют тексты, которые можно квалифицировать как образцы «духовной прозы» [10], почти не обращая внимания на то, что тексты его проповедей также представляют собой содержательный материал для литературоведческого анализа. Подробный разбор произведений Брянчанинова позволяет выдвинуть гипотезу о том, что убеждающая сила его поучающего слова обусловлена не только его общим духовно-нравственным зарядом, не только мастерским владением приемами ораторского искусства, но и умением воплощать целостно и системно христианское мировоззрение в текстах, связанных между собой внутренними тематическими «скрепами».

В трудах церковных проповедников XIX в., в частности архиепископа Амвросия (Протасова), архимандрита Феодора (Бухарева), святителя Филарета (Дроздова), постепенно оформлялся язык и стиль церковной проповеди, предписываемый позже для священников в качестве образца. При Николае I (1825–1855) правила построения проповедей были жестко регламентированы. Над проповедниками был установлен повсеместный цензурный надзор, который вынуждал ограничивать содержание поучений отвлеченными рассуждениями, не допускал критики негативных явлений, не поощрял иллюстрирование проповедей примерами из жизни.

Монастырские и семинарские библиотеки в XIX в. могли предоставить духовному лицу ряд пособий по церковному красноречию, в частности сборник проповедей «Ключ разумения», изданный в 1659 г. Иоанникием Голятовским, ректором Киево-Могилевской академии, материалы Полного собрания сочинений архиепископа Феофана Прокоповича, архиепископа Новгородского и Псковского («Духовный регламент» (1719), «Вещи и дела» (1726)), «Правила высшего красноречия» (1844) М.М. Сперанского, «Чтения о церковной словесности или Гомилетика» (1846) проф. Я.К. Амфитеатрова, «Руководство к церковному собеседованию, или Гомилетика» (1858) Назария Фаворова. Все эти книги могли в то или иное время оказаться в кругу чтения святителя Игнатия, но вряд ли стоит утверждать, что они смогли существенно повлиять на формирование стиля его проповедей.

Святитель Игнатий не обучался ни в духовной семинарии, ни в академии, то есть не получил специального духовного образования. В монашеский чин он перешел из дворянского сословия после того, как в 1826 г. блестяще окончил Военное инженерное училище в Петербурге, в котором преподаванию гуманитарных дисциплин уделялось очень серьезное внимание, можно без сомнений утверждать, что основы светской риторики были глубоко усвоены будущим церковным проповедником.

Подлинной школой церковного красноречия для него стало не штудирование пособий по гомилетике, а изучение святоотеческой литературы. Своим духовным чадам он советовал чтение творений святителей Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова и др., а также русских великих подвижников – святителей Георгия Задонского, Митрофания Воронежского, Георгия Затворника, где он нашел гармо-

ничное созвучие идей, полное единодушие и единомыслие, а также блестящие образцы для собственных духовных сочинений.

Излюбленные жанровые формы святителя Игнатия – слово и поучение – отсылают нас, прежде всего, к словам и поучениям святителей Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста. У них он учился ясности, четкости изложения мыслей, уравновешенности композиции, изобразительно-выразительным приемам. Их творения, оказавшись созвучными с его собственной склонностью к созерцательным раздумьям, научили святителя Игнатия видеть во временном вечное, в образах природы – отражение вечной красоты, вывели Брянчанинова-проповедника на тот путь, по которому шло дальнейшее развитие русской церковной проповеди, – путь творческого преодоления всякого рода регламентов и ограничений.

В богословских и публицистических текстах русских проповедников позднего Средневековья стало заметным «становление авторского самосознания, возраставшее осмысление значимости своих сочинений, ответственность писателя за высказанное слово и, главное, забота об его восприятии читателем» [11. С. 46–49]. Постоянно развивая эти особенности, русская церковная риторика вышла на особый виток своего развития к первой половине XIX в. В 1840-е гг. поэтика и риторика как предметы изучения в учебных заведениях окончательно разделяются, «получают различные предметы» [12. С. 24]. В это время, когда дворянство считало владение иностранными языками признаком высокой культуры, Русская Церковь стремилась вернуть родному слову «его евангельскую значимость для созидательной деятельности человека» [13. С. 78]. В трудах святителя Феофана Затворника, святителя Филарета Московского, архиепископа Иннокентия Херсонского, архиепископа Филарета Черниговского и других выдающихся проповедников наметилась тенденция синтеза церковной проповеди и художественной литературы. Особенно ярко эта тенденция проявилась в творчестве святителя Игнатия Брянчанинова. В своих произведениях, как богословских, риторических (поучения, слова, беседы), так и в эпистолярных, он излагает высокие духовные истины «в форме безукоризненно-литературной, во многих случаях художественной речи» [14. С. 19].

Основу творческого наследия Брянчанинова составляют проповеди (сборники «Аскетические опыты», «Аскетическая проповедь»), а также богословские сочинения («Слово о смерти», «Православное учение о человеке» и т.п.), письма и художественные произведения. Все эти тексты образует целостное идейно-тематическое единство, обладающее рядом общих стилевых характеристик, благодаря чему все творчество святителя Игнатия может восприниматься как единый текст. Его структурные особенности удобнее всего показать на примере книги «Аскетическая проповедь».

«Аскетическая проповедь» (1866) – сборник духовных поучений святителя Игнатия, написанных для произнесения в Церкви и келейного чтения. В предисловии к первому изданию этой книги автор обозначил главную цель ее создания – «пополнение к описанию христианского подвига».

На протяжении многих веков Святые отцы Церкви описывали опыт подвижнической жизни в аскетических сочинениях. Опираясь на эту традицию, обобщая эту многовековую практику, а также свой личный духовный опыт, святитель Игнатий стремится помочь найти четкие духовные ориентиры всем, кто желает идти по пути спасения. Этой целью определяется круг тем и мотивов «Аскетической проповеди». Все они связаны с аскетической стороной христианского учения о спасении – это темы покаяния, молитвы, поста, борьбы со страстями, стяжания христианских добродетелей.

«Аскетическая проповедь» является ярким доказательством того, что святитель Игнатий был представителем нравственно-практического направления церковной проповеди первой половины XIX в. Он продолжил дело виднейших духовных писателей конца XVIII – начала XIX вв., вступивших на путь борьбы с обмирщением духовной литературы и возрождением византийской аскетической традиции (нравственно-аскетическое направление) – святителя Тихона, епископа Воронежского, Филарета (Дроздова), митрополита Московского, Платона (Левшина), митрополита Московского, Иннокентия (Борисова), архиепископа Херсонского. В трудах святителя Игнатия и святителя Феофана (Говорова) церковная проповедь на языке, понятном современникам, стала излагать святоотеческое учение о духовной жизни. Параллельно формировалось направление общественно-публицистическое. В поучениях Иоанна (Соколова), епископа Смоленского, Дмитрия (Муретова), архиепископа Херсонского, Амвросия (Ключарева) архиепископа Харьковского поднимались актуальные социальные проблемы, отражались текущие общественно-значимые события. Святитель Игнатий стремился сохранить в церковной проповеди ее духовно-аскетическую закуску, абстрагироваться от временного, злободневного, скоропреходящего, вернуть поучающему слову способность звучать актуально всегда, во все времена.

В состав сборника «Аскетическая проповедь» входит 53 самостоятельных, законченных по форме произведения. В основном – это поучения, но есть также тексты, обозначенные жанрово как «слово», «беседа», «речь». В конце книги помещено уникальное в жанровом отношении произведение – «Изложение учения Православной церкви о Божией Матери». Жанровая неоднородность, тем не менее, не мешает воспринимать книгу как единый текст, поскольку все проповеди здесь связаны друг с другом по смыслу, развивают, варьируют и углубляют содержание одного и того же круга тем и мотивов. Основные темы в большинстве проповедей обозначены в подзаголовках, например: «Почтение в среду первой недели Великого поста. О вреде лицемерства», «Почтение в третью неделю Великого поста. О крестоношении» и т.п. Обобщив эти темы, можно обнаружить среди них две группы: темы аскетические (покаяние, духовный и телесный подвиг, пост, молитва, борьба со страстями, добродетели) и темы богословские (православие, христианство, спасение). Но при этом в каждой проповеди в основную тему вплетаются мотивы, которые связывают каждый конкретный текст с остальными. Например, в поучениях, где основной является

тема покаяния, второстепенными оказываются содержательные линии, связанные с понятиями «молитва», «пост», «спасение», «православие». В проповедях, посвященных молитве, затрагиваются темы поста и покаяния. В частности, в «Поучении 2-м в неделю мытаря и фарисея» на подобное переплетение тем указывает подзаголовок: «О молитве и покаянии». Применительно к тексту «Аскетической проповеди», таким образом, целесообразно говорить о мотивной структуре, при этом мотив понимается как элемент произведения, «обладающий повышенной значимостью (семантической насыщенностью)» [15. С. 267], а также акцентированный за счет повтора [16. С. 249].

Через все тексты книги проходит тема покаяния, которую можно назвать главной, доминантной в «Аскетической проповеди». Покаяние Брянчанинов считал «основой всех видов христианского подвига» [17. С. 171]. Поэтому именно эта тема словно «прошивает» собой насквозь все составные части книги, придает ей целостность и композиционную уравновешенность, скрепляя разрозненные и разнотемные произведения и определяя основной вектор духовных размышлений автора. Это закономерно, поскольку идея покаяния лежит в основе православного учения о спасении, согласно которому главная цель человеческой жизни – «созидание душевного спасения по разуму Святой Православной Церкви» [18. С. 168].

В «Поучении 1-м в Неделю по Богоявлению» обосновывается выбор темы покаяния в качестве смысловой доминанты «Аскетической проповеди»: «Чтобы уверовать в Господа нашего Иисуса Христа, нужно покаяние; чтоб пребывать в этой спасительной вере, нужно покаяние; чтоб преуспеть в ней, нужно покаяние; чтобы наследовать Царство Небесное, нужно покаяние» [19. С. 9]. Покаяние здесь рассматривается как главное условие спасения.

Все остальные содержательные линии в книге – молитва, пост, страсти, добродетели, суд Божий, спасение – вплетаются в доминантную тему, образуя спектр сопутствующих мотивов. О чем бы ни говорил проповедник, какие бы стороны духовной жизни он не затрагивал в своих проповедях, – на все он смотрит через призму покаяния. Покаяние можно назвать доминантной темой, или, по терминологии Б.М. Гаспарова, главным лейтмотивом книги, который «раз возникнув, повторяется потом множество раз, выступая при этом каждый раз в новом варианте, новых очертаниях и во все новых сочетаниях с другими мотивами» [20. С. 30].

Доминантный лейтмотив покаяния в «Аскетической проповеди» связан с рядом сопутствующих мотивов, среди которых наиболее отчетливо выделяется мотив веры.

Вера определяется проповедником как «сила духовного зрения» [19. С. 277]. По своим спасительным потенциям она оценивается выше, чем знание и видение. Связь смыслов веры, видения и знания составляет содержательное пространство проповедей Брянчанинова. Подобную смысловую структуру можно обнаружить в сочинениях святителя Димитрия Ростовского, который, как и святитель Игнатий, часто использует прием описания предметного мира («видения») как основу построения своих пропо-

ведей, на что обратила внимание в своем исследовании С.Н. Ипатова [6. С.115]. У Брянчанинова, как и у Дмитрия Ростовского, часто можно встретить представление о «тайнозрении», которое дает человеку вера, причем «очи веры» человека, по мысли святителя Игнатия, видят ясно настолько, насколько они очищены покаянием.

В «Поучении 2-м в Неделю по Богоявлении. О покаянии» вера и покаяние названы двумя равнозначными свойствами человека, данными ему Богом для спасения [19. С. 12]. Вера, – говорит святитель, – это источник истинного Богопознания, а покаяние – залог истинного Богослужения, поскольку оно, очищая сердце от страстей и грехов, открывает ему доступ к Богу [19. С. 12]. Все поучение строится на сопоставлении и противопоставлении данных смысловых категорий. Вера и покаяние в этом тексте выступают как равнозначные мотивы, обеспечивающие семантическое равновесие.

В сплетении мотивом веры и покаяния все более отчетливо выявляется механизм действия покаяния. Сущность покаяния проповедник описывает как процесс напряженного труда души: «Оно состоит в сознании своих погрешностей и сожалении о них» [19. С. 13]. Покаяние, как и вера, подчеркивает святитель, – не статичное состояние, а динамичный процесс. В духовной эволюции человека существуют разные этапы, разные уровни покаяния.

В «Поучении 2-м в Неделю по Богоявлении» покаяние описывается как духовный путь, точнее, как восхождение по духовной лестнице, лаконично и четко «изобразено здесь покаяние живописью слова» [19. С. 17]. Разные уровни покаяния обозначены в этом поучении при помощи приема градации: трем степеням покаяния соответствуют три степени блаженства. Начальная ступень связана с исповеданием явных нарушений заповедей: «Блаженны те, которые, вняв призыванию Божию, сознали свою греховность, раскаиваются в соделанных грехах и греховной жизни, решились исповедать их» [19. С. 18]. Новая ступень покаянного подвига предполагает расширение духовного кругозора, углубление самоанализа, обнаружение в самом себе многочисленных недостатков: «Блаженнее те, которые, потрудившись на поприще покаяния, увидели в себе оком души... падение человечества вообще и свое собственное в частности» [19. С. 18]. На высшей ступени покаяния человек очищается настолько, что признает себя достойным самых тяжелых испытаний и наказаний, готов к духовному подвигу «сораспятию Христу». Достигший такого состояния «стократ блаженнее» [19. С. 18].

Проповеди Брянчанинова насыщены цитатами из Евангелия, значительная часть которых иллюстрирует излагаемое им святоотеческое учение о покаянии. Можно выделить особую тематическую группу поучений, содержательное ядро которых образует анализ евангельских притч. Мысль о том, что покаяние истинное и ложное имеет очевидную и принципиальную разницу, иллюстрирует притча о мытаре и фарисее, которую святитель подробно разбирает в «Поучении 1-м в Неделю о мытаре и фарисее». Пер-

сонажей этой притчи он не раз упоминает и в других поучениях. Фигуры мытаря и фарисея под пером святителя Игнатия вырастают в символы противоположных духовных состояний и соответствующих им моделей поведения – смирения гордыни, а также разнонаправленных векторов жизненного пути – спасения и духовной смерти.

Текст поучения построен по принципу антитезы: противопоставляются комплексы душевных качеств, образующих характеры мытаря и фарисея. Проповедник заостряет внимание на свойствах их «духовного менталитета», на том, в каком движении мыслей и чувств реализуется их отношение к Богу.

Молитвенное состояние души фарисея определяет самообольщение: «Фарисей был удовлетворен собою, признавал себя достойным Бога, угодившим Богу» [19. С. 20]. Святитель заостряет внимание на том, что гордыня выражается даже во внешней стороне молитвы фарисея: в храме он занимает место, самое близкое к алтарю, стремясь даже в общении с Богом оказаться у всех на виду, поэтому его взгляд бесстрашно устремлен ввысь, к небу, а молитва представляет собой торжественное самовосхваление, гимн собственному совершенству, превосходству над окружающими.

Напротив, сердце мытаря абсолютно чуждо всякого самообольщения и самодовольства, поскольку оно преисполнено сознания собственного несовершенства. Смирненное признание того, что он недостоин общаться с Богом, отражается внешне в согбенном положении тела мытаря. Святитель Игнатий уверен, что именно такое внешнее выражение смирения должно сопровождать молитву, угодную Богу. Считая себя недостойным быть в храме рядом со всеми молящимися, мытарь скромно стоит у самых дверей, там, где его никто не может видеть. Евангельский мытарь у святителя Игнатия становится эмблемой покаяния. В «Почении в двадесать шестую Неделю. О лихоимстве» таким же способом, т.е. при помощи интерпретации образов евангельской притчи о неразумном богаче, воплощен мотив приоритета высших духовных ценностей по отношению к материальным благам [21].

В «Почении 2-м в Неделю мытаря и фарисея» в тему покаяния вплетается тема молитвы. Поскольку в предыдущей проповеди речь шла о мытаре и фарисее, о главных особенностях, образующих подобные типы характеров, то логично со стороны автора сосредоточить внимание на том, как эти характеры проявляют себя в молитве. Молитвенное состояние особенно отчетливо раскрывает психологические особенности человека, поскольку это процесс напряженной работы души.

Слова мытаря представлены в проповеди как эталон правильно совершаемой молитвы, «Богоприятной» и спасительной для человека. Проповедник обращает особое внимание на лаконичную форму молитвы мытаря, а также на то, что она совершается во время Богослужения, на фоне литургических молитвословий. Краткость молитвы свидетельствует о смирении и сосредоточенности молящегося. Святитель приводит слова святителя Тихона Воронежского о связи смирения и правильной молитвы: «когда

прозябнет в душе истинное покаяние... тогда многословие делается для нее несвойственным» [19. С. 28]. Кроме того, подчеркивает Брянчанинов, именно краткую молитву можно произносить максимально сосредоточенно, с благоговейным вниманием.

Для того чтобы объяснить разницу между правильной и неправильной молитвой, проповедник прибегает к приему сравнения, проводя аналогию между многословной и рассеянной молитвой и воздействием капель сильного дождя на железную крышу: с поверхности крыши «сбегает вся вода, в каком бы количестве она не пролилась» [19. С. 32]. Сосредоточенную, внимательную молитву святитель сравнивает с дождем, орошающим засеянное поле, «дающему питание произрастаниям и приготовляющему богатую жатву» [19. С. 32]. В таком контексте железная крыша и плодородная земля воспринимаются как метафоры духовных состояний человека, степени его восприимчивости к благодати. Таким образом, характеристика молитвы мытаря позволяет проповеднику четко обозначить главные свойства правильной молитвы – внимание и покаяние.

В «Поучении в неделю блудного сына» тема покаяния вновь обретает полнозвучное выражение. Проповедник обращается к евангельскому сюжету о блудном сыне, чтобы показать, как вознаграждается покаянный труд человека, какой он находит отклик у Бога. Эта притча недаром читается в Церкви накануне Великого поста, главная цель которого – очищение души покаянием, – в ней «обнаруживается непостижимое, бесконечное милосердие Отца Небесного к грешникам» [19. С. 34].

Брянчанинов, следуя толкованиям святых отцов Церкви, дает свою интерпретацию евангельской притчи. Падшее человечество и каждого человека в отдельности символизирует образ младшего сына. Унаследованная им часть имения – это духовные дары, которые Бог дает каждому человеку. Уход из отчего дома и растрата имения – образ греховного состояния души, истощения внутренней энергии от неправильной, рассеянной, греховной жизни. Возвращение блудного сына к отцу – образ покаяния. В сцене встречи сына с отцом раскрывается бесконечная милость Бога к раскаявшемуся грешнику: Бог видит каждого, кто обращается к Нему с покаянием: «видит и уже поспешает к нему навстречу, лобызает, обнимает его своей благодатью» [19. С. 35].

Как и в предыдущих поучениях, святитель обращается к интерпретации притчи, использует евангельские образы для того, чтобы раскрыть сущность покаяния, проиллюстрировать действие в человеческом мире духовных законов, установленных Богом. Обращение к евангельским образам, опора на их святоотеческую интерпретацию и, в то же время, стремление раскрыть их смысл на понятном современникам языке – характерные особенности библеизма проповедей святителя Игнатия, в котором проявляется стремление проповедника «приблизить свой язык к священному языку Библии» [22. С. 175] и облечь свои главные темы и мотивы в форму, наиболее выразительную для объяснения предметов религиозного содержания, а также оказать

определенное религиозно-мотивационное воздействие на читателей в соответствии с главной целью церковной проповеди [23].

В «Поучении в Неделю мясопустную. О Втором пришествии Христовом» святитель Игнатий вплетает в тему покаяния новую тематическую нить, связанную с христианским учением о Страшном Суде. В начале поучения проповедник выстраивает четкую оппозицию, противопоставляя два эпизода сотериологического сюжета в христианском учении – Первое и Второе Пришествие Христа. Первое Пришествие на землю Сына Божия, целью которого было совершение искупительного подвига, «было исполнено постоянного и глубокого смирения» [19. С. 39]. Спаситель родился не в царских палатах, а в пастушеской пещере, прожил земную жизнь среди простых людей, терпя лишения и завершив земной путь мученической кончиной. Второе Пришествие, целью которого будет Всеобщий страшный суд, напротив, будет сопровождаться явлением Его Божественной славы.

Говоря о том, что потребуется каждому человеку для оправдания на Страшном Суде, проповедник неоднократно повторяет слово «милость». При этом он использует прием олицетворения абстрактного понятия, заставляющий вспомнить творчество поэтов XVIII в. (Ломоносова, Сумарокова, Тредиаковского и др.): «Милость доставит оправдание возлюбившим ее, а отвергших ее предаст осуждению» [19. С. 41]. Святитель Игнатий перечисляет категории праведников и дела милосердия, которые будут достойны оправдания. Это конкретные проявления помощи ближним (дела милости «вещественные») – накормить голодных, одеть нагих, посетить больных и заключенных, а также «невещественные» дела милости – воздержание от осуждения, прощение обид, духовное окормление. В конце подробного списка дел милости святитель помещает покаяние, которое трактуется в контексте поучения как милость, которую человек, у которого нет сил помогать другим людям, способен оказать самому себе: «Покаяние для ожесточенного сердца невозможно, надо, чтобы сердце смягчилось, исполнилось соболезнования и милости к своему божественному состоянию греховности» [19. С. 42]. Таким образом, через мотив милости Брянчанинов соединяет тему покаяния с темой Второго Пришествия Христова и Страшного Суда, дает обоснование необходимости покаяния, как честного самоанализа, как напряженного труда по освобождению души от тяжести накопившегося в ней греха.

Второе Пришествие Христа и Всеобщий Страшный Суд становятся у святителя Игнатия как самостоятельной темой, глубоко и обстоятельно раскрытой, так и одной из нитей, вплетенной в тематическую канву «Аскетической проповеди», связанную, в первую очередь, с семантической доминантой книги – темой покаяния.

Покаянию посвящено самое объемное произведение в «Аскетической проповеди» – «Беседа в понедельник первой недели Великого поста. Приготовление к таинству исповеди». Данная проповедь рассчитана на чтение про себя, а не на слуховое восприятие, поэтому для того, чтобы читателю было легче сориентироваться в нем, святитель Игнатий выделил заголов-

ками традиционные структурные компоненты проповеди: Введение, Первую и Вторую части и Заключение.

Во Введении концентрация внимания проповедника на теме покаяния обоснована тем, что пост, к началу которого приурочена проповедь, – это установленное Церковью время сугубого покаяния, особенно тщательного самоуглубления. В идеале человек должен пребывать в покаянии постоянно, но большинство людей добровольно выбирают путь жизни, «которая всецело приносится в жертву плоти, греху и тлению» [19. С. 47–48].

В первой части Беседы святитель развивает мысль о спасительной силе покаяния и его всеобъемлющем действии, используя метафору «покаяние – океан»: как океан поглощает одинаково и воды широкой реки, и самые мелкие ручейки, так и покаяние с одинаковой силой очищает все грехи – великие и малые [19. С. 48]. Спасительную силу покаяния проповедник раскрывает, используя примеры из Священного писания (сюжет о грехе и покаянии царя Давида, эпизод, связанный с судьбой города Ниневии, который спасло покаяние царя Ахава) и из Священной Истории (повести из «Лавсаика» о монахе и преступнике, о покаянии блудницы у ворот монастыря) и др.

Покаяние – это напряженный труд ума и души, непривычный для большинства людей. Святитель Игнатий помогает сориентироваться в этой области самоанализа и указывает те векторы размышления о себе, которые могут направить покаянный труд в правильное, плодотворное русло. Он отмечает, что одним из признаков, по которым нужно оценивать свое духовное состояние, является соответствие идеалу, который явлен в Христе – «новом Адаме». Второй признак, говорит проповедник, – это соответствие жизни человека заповедям Блаженства: «соблюдавший Христовы заповеди – Христов; не соблюдающий их не принадлежит Христу» [19. С. 58].

Во второй части проповеди святитель Игнатий дает конкретные практические рекомендации по подготовке к таинству исповеди. В рассуждение о покаянии здесь вливается мотив молитвы. Проповедник подчеркивает, что в подвиге покаяния человеку необходима помощь Бога, которая «испрашивается усердною, внимательною молитвою» [19. С. 61]. Святитель дает образцы молитвенных прошений, о даровании покаяния: молить Бога следует о том, чтобы провести время поста с вниманием и благоговением, о том, чтобы Бог даровал мужество в борьбе с грехами и страстями, помог честно открыть их на исповеди духовному отцу и не возвращаться к ним после принесенного покаяния. Самой главной должна быть молитвенная просьба о стяжании постоянного покаянного внутреннего настроя: «Более всего моли о том, чтобы был дарован тебе дух сокрушен» [19. С. 62]. Связь темы покаяния и мотива молитвы в этом тексте особенно очевидна и определяет композиционную структуру беседы.

Мотивы веры, молитвы, Божьего суда в разных сочетаниях встречаются в других текстах «Аскетической проповеди», сплетаются с другими мотивами, связанными, с понятиями «грех» и «добродетель» («О вреде лицемерства», «О лихоимстве», «О любви к ближнему», «О любви к Богу» и

т.п.). Эту тенденцию можно проследить по заглавиям, в которых обозначается основной мотив проповеди. Однако они не образуют мотивный каркас книги, хотя и связаны между собой внутренними смысловыми связями – через основные мотивы.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Сборник поучений «Аскетическая проповедь», концентрирующий в себе идейно-стилевые особенности всего творчества святителя Игнатия (Брянчанинова), представляет собой единый текст, имеющий мотивную структуру. Он пронизан магистральной темой покаяния, в которую последовательно вплетаются сопутствующие мотивы (молитва, пост, Божий суд и т.п.), которые могут пересекаться друг с другом или развиваться параллельно, образуя сложную, но чрезвычайно «прочную» текстовую «ткань».

2. Точками пересечения мотивных линий в ряде проповедей оказываются евангельские образы (мытарь и фарисей, отец и блудный сын и т.п.). Связь мотивов с евангельскими образами обеспечивает наглядность поучающего слова святителя Игнатия, определяя важнейшую стилевую особенность его текстов – библеизм.

Покаяние – главная тема книги, многогранная и многоаспектная, все сопутствующие мотивы именно через нее связываются между собой, образуют семантическое единство, раскрывающее сущность православного учения о спасении.

Список источников

1. *Важеркина И.В.* Философско-педагогические идеи Игнатия Брянчанинова в контексте современных проблем духовно-нравственного воспитания : дис. ... канд. пед. наук. Рязань, 2010. 205 с.
2. *Гатилова Н.Н.* Духовно-нравственное воспитание человека в трудах святителя Игнатия Брянчанинова : дис. ... канд. пед. наук. Курск, 2006. 163 с.
3. *Остапенко М.А.* Образ совершенного человека в православной антропологии : дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2002. 159 с.
4. *Ицкович Т.В.* Идиостиль православных проповедников в рамках категориально-текстовой концепции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (12). С. 64–68.
5. *Крылов А.А.* Концептуальный анализ текста: На материале «Слова о смерти» святителя Игнатия Брянчанинова : дис. ... канд. филол. наук. М., 2004. 204 с.
6. *Ипатова С.Н.* Церковно-проповеднический стиль русского языка XIX века: На материале творчества Святителя Игнатия : дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004. 234 с.
7. *Пригарина А.С.* Реализация исповедальной интенции в разных типах дискурса : дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2012. 229 с.
8. *Мельник В.И.* Православие и культура: святитель Филарет (Дроздов) Игнатий Брянчанинов о художественной литературе // Филаретовский альманах. 2009. № 5. С. 151–164.
9. *Воронин Т.Л.* Взгляд святителя Игнатия Брянчанинова на природу поэзии и поэтического вдохновения в контексте русского романтизма // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2006. № 2. С. 12–21.

10. Пращерук Н.В. Пастырь и художник: о духовной прозе Игнатия Брянчанинова // Проблемы исторической поэтики. 2012. № 10. С. 59–66.
11. Жукова Л.И. Авторские своды в русской публицистике XVI в. (постановка проблемы) // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 46–49.
12. Михальская А.К. Основы риторики. Мысль и слово. М. : Просвещение, 1996. 416 с.
13. Бондарева О.Н. Проблема возвращения русской словесности к духовным истокам в первой половине XIX века // Риторика и культура речи в современном научно-педагогическом процессе и общественно-коммуникативной практике : сборник материалов XXI Международной научной конференции по риторике. М., 2017. С. 77–83.
14. Соколов Л. Святитель Игнатий: его жизнь, личность и морально-аскетические воззрения. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2003. 1140 с.
15. Хализев В.Е. Теория литературы : учебник для студ. высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2009. 432 с.
16. Сухих И.Н. Структура и смысл: Теория литературы для всех. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 544 с.
17. Марк (Лозинский), игум. Духовная жизнь мирянина и монаха по творениям и письмам епископа Игнатия (Брянчанинова). Кириллов : Кирилло-Белозерский монастырь, 2007. 394 с.
18. Михайленко А.С. Сотериология свт. (Игнатия Брянчанинова) // Труды Белгородской духовной семинарии. 2017. № 6. С. 164–171.
19. Святитель Игнатий Брянчанинов. Полное собрание творений : в 8 т. М. : Паломник, 2002. Т. 4. 783 с.
20. Гаспаров Б.М. Литературные лейтмотивы. Очерки по русской литературе XX века. М. : Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1993. 304 с.
21. Пушкарёв С.В. Система нравственных ценностей современного человека в интерпретации святителя Игнатия (Брянчанинова) прпчч о неразумном богаче (Лк. 12, 13–21) // Труды Белгородской духовной семинарии. 2016. № 4. С. 101–104.
22. Феодосий, епископ Полоцкий и Глубокский. Гомилетика: теория церковной проповеди. Сергиев Посад : Московская духовная академия, 1999. 324 с.
23. Агеева Г.А. Религиозная проповедь как специфический вид языковой коммуникации : автореф. дис... канд. филол. наук. Иркутск, 1998. 21 с.

References

1. Vazherkina, I.V. (2010) *Filosofsko-pedagogicheskie idei Ignatiya Bryanchaninova v kontekste sovremennykh problem dukhovno-nravstvennogo vospitaniya* [The philosophical and pedagogical ideas of Ignatius Bryanchaninov in the context of modern problems of spiritual and moral education]. Pedagogics Cand. Diss. Ryazan.
2. Gatilova, N.N. (2006) *Dukhovno-nravstvennoe vospitanie cheloveka v trudakh syvyatitelya Ignatiya Bryanchaninova* [The spiritual and moral education of man in the works of St. Ignatius Bryanchaninov]. Pedagogics Cand. Diss. Kursk.
3. Ostapenko, M.A. (2002) *Obraz sovershennogo cheloveka v pravoslavnoy antropologii* [The image of a perfect person in Orthodox anthropology]. Philosophy Cand. Diss. Yekaterinburg.
4. Itskovich, T.V. (2012) *Idiostil' pravoslavnykh propovednikov v ramkakh kategorial'no-tekstovoy kontseptsii* [The idiostil of Orthodox preachers in the framework of the categorical-text concept]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 6 (12). pp. 64–68.
5. Krylov, A.A. (2004) *Kontseptual'nyy analiz teksta: Na materiale "Slova o smerti" syvyatitelya Ignatiya Bryanchaninova* [Conceptual analysis of the text: on the material of "Words about Death" by St. Ignatius Bryanchaninov]. Philology Cand. Diss. Moscow.
6. Ipatova, S.N. (2004) *Tserkovno-propovednicheskii stil' russkogo yazyka XIX veka: Na materiale tvorchestva Syvyatitelya Ignatiya* [The church predicator style of the Russian

language of the 19th century: on the material of the creativity of St. Ignatius]. Philology Cand. Diss. Vologda.

7. Prigarina, A.S. (2012) *Realizatsiya ispovedal'noy intentsii v raznykh tipakh diskursa* [Implementation of confessional intention in different types of discourse]. Philology Cand. Diss. Volgograd.

8. Mel'nik, V.I. (2009) Pravoslavie i kul'tura: svyatitel' Filaret (Drozdov) Ignatiy Brianchaninov o khudozhestvennoy literature [Orthodoxy and culture: St. Filaret (Drozdov) Ignatius Bryanchaninov on fiction]. *Filaretovskiy al'manakh*. 5. pp. 151–164.

9. Voronin, T.L. (2006) Vzglyad svyatitelya Ignatiya Brianchaninova na prirodu poezii i poeticheskogo vdokhnoveniya v kontekste russkogo romantizma [The view of St. Ignatius Brianchaninov on the nature of poetry and poetic inspiration in the context of Russian romanticism]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya*. 2. pp. 12–21.

10. Prashcheruk, N.V. (2012) Pastyr' i khudozhnik: o dukhovnoy proze Ignatiya Brianchaninova [Shepherd and artist: about the spiritual prose of Ignatius Bryanchaninov]. *Problemy istoricheskoy poetiki*. 10. pp. 59–66.

11. Zhurova, L.I. (2011) Avtorskie svody v russkoy publitsistike XVI v. (postanovka problemy) [Author's arches in Russian journalism of the 16th century (setting the problem)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 3. pp. 46–49.

12. Mikhail'skaya, A.K. (1996) *Osnovy ritoriki. Mysl' i slovo* [The Basics of Rhetoric. Thought and word]. Moscow: Prosveshchenie.

13. Bondareva, O.N. (2017) [The problem of the return of Russian literature to the spiritual sources in the first half of the 19th century]. *Ritorika i kul'tura rechi v sovremenno nauchno-pedagogicheskom protsesse i obshchestvenno-kommunikativnoy praktike* [Rhetoric and Culture of Speech in the Contemporary Scientific and Pedagogical Process and Socio-Communicative Practice]. Proceedings of the 21th International Conference. Moscow. 01–03 February 2017. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute. pp. 77–83. (In Russian).

14. Sokolov, L. (2003) *Svyatitel' Ignatiy: ego zhizn', lichnost' i moral'no-asketicheskie vozzreniya* [Saint Ignatius: His life, personality and moral Ascetic views]. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyr'a.

15. Khalizev, V.E. (2009) *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. Moscow: Akademiya.

16. Sukhikh, I.N. (2018) *Struktura i smysl: Teoriya literatury dlya vseh* [Structure and Meaning: The theory of literature for everyone]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.

17. Lozinskiy, M. (2007) *Dukhovnaya zhizn' miryanina i monakha po tvoreniam i pis'mam episkopa Ignatiya (Brianchaninova)* [The Spiritual Life of a Layman and a Monk According to the Creations and Letters of Bishop Ignatius (Bryanchaninov)]. Kirillov: Kirillo-Belozerskiy monastyr'.

18. Mikhaylenko, A.S. (2017) Soteriologiya svt. (Ignatiya Brianchaninova) [Soteriology of St. (Ignatius Brianchaninov)]. *Trudy Belgorodskoy dukhovnoy seminarii*. 6. pp. 164–171.

19. St. Ignatius Brianchaninov. (2002) *Polnoe sobranie tvoreniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Palomnik.

20. Gasparov, B.M. (1993) *Literaturnye leytmotivy. Ocherki po russkoy literature XX veka* [Literary Leitmotifs. Essays on Russian literature of the 20th century]. Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura".

21. Pushkarev, S.V. (2016) Sistema nravstvennykh tsennostey sovremennogo cheloveka v interpretatsii svyatitelya Ignatiya (Brianchaninova) pritchi o nerazumnom bogache (Lk. 12, 13–21) [The system of moral values of modern man in the interpretation of St. Ignatius (Bryanchaninov) parables about unreasonable richer (Luke 12, 13–21)]. *Trudy Belgorodskoy dukhovnoy seminarii*. 4. pp. 101–104.

22. Feodosiy, Bishop of Polotsk and Gluboksk. (1999) *Gomiletika: teoriya tserkovnoy propovedi* [Homiletics: The theory of church sermon]. Sergiev Posad: Moskovskaya dukhovnaya akademiya.

23. Ageeva, G.A. (1998) *Religioznaya propoved' kak spetsificheskiy vid yazykovoy kommunikatsii* [Religious preaching as a specific type of language communication]. Abstract of Philology Cand. Diss. Irkutsk.

Информация об авторе:

Титкова Н.Е. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка и литературы Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Арзамас, Россия). E-mail: nataly.arzamas@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.E. Titkova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Lobachevsky University (Arzamas Branch) (Arzamas, Russian Federation). E-mail: nataly.arzamas@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.09.2019;
одобрена после рецензирования 16.09.2022; принята к публикации 16.11.2022.*

*The article was submitted 18.09.2019;
approved after reviewing 16.09.2022; accepted for publication 16.11.2022.*